

A person wearing a heavy winter jacket and a backpack is walking away from the viewer down a narrow, snow-covered street in a village. The buildings are made of dark wood and have snow on their roofs. The street is flanked by snow-covered trees and bushes. The overall atmosphere is cold and quiet.

Александр Кордюков

Мир Ледяного Рока

18+

Александр Кордюков

Мир Ледяного Рока

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73561693

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где зима – это не погода, а сама жизнь, люди откапывают двери от снега, едят сушёную рыбу по крошкам и греются у последних углей. Здесь каждый день – борьба за тепло, а завтра – просто ещё один холодный рассвет.

Это история о том, как в вечной мерзлоте рождается первая зелёная ветка. О цене надежды, о работе руками и о том, что иногда ста часов света хватает, чтобы начать всё заново.

Содержание

Глава 2 Открытие Ледяного Предела: Кровь и Лёд	9
Глава 3 Зелёный Свет	23
Глава 4 Заброшенный Грузовик	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Кордюков

Мир Ледяного Рока

Глава 1 Мир ледяного рока

Зима здесь – не сезон. Зима здесь – суть бытия.

Северное небо висит низко, словно давит на плечи. Воздух режет лёгкие, как осколки льда. В моих краях температура нередко опускается до -60 цельсия, и каждый вдох – напоминание: жизнь хрупка, а смерть всегда рядом. Не только из-за мороза. Из-за Лицензии.

Мы живём в деревянных избах, сколоченных из вековых елей. Дым из труб поднимается вертикально – настолько холодно, что даже ветер замирает. В домах вечно полумрак: окна маленькие, чтобы не выпускать тепло. Свет – лишь от лучины или жировой лампы. Запах копоти, дерева и пота смешивается с дыханием десятков людей, прижатых друг к другу ради выживания.

Утро начинается с того, что я откапываю дверь от снега. Лопатой, дрожащими руками. Потом – колоть лёд на реке, тащить вёдра в дом, топить печь. Вода – драгоценность. Тепло – роскошь.

Еда – сушёная рыба, мороженая дичь, ржаной хлеб, который хрустит на зубах, как лёд. Мясо едим редко: скотина мёрзнет, а охота опасна. Иногда удаётся добыть северного оленя – тогда праздник. Но чаще – голод, скрип зубов и молчание.

Одежда – меха, шкуры, войлок. Мы носим её кругло-суточно. Снимать нельзя: даже в доме холод пробирается сквозь щели. Руки всегда в трещинах, кожа грубая, как кора.

Но всё это – лишь фон. Настоящая тьма – не снаружи. Она внутри.

Я жду.

Жду, когда мне исполнится 20 лет. Жду, когда придут они.

Каждый день я просыпаюсь с мыслью: «Сколько осталось?» Не до мороза, не до голода – до вопроса.

В нашем мире нет детства. Есть только отсчёт. Ты растёшь, учишься, работаешь – и всё время знаешь: однажды тебе скажут: «Назови число».

Сколько жизней ты хочешь отнять?

Ноль? Одна? Десять? Пятьдесят?

Или... безлимит?

Я смотрю на стариков. Их лица – как замёрзшие реки: трещины, морщины, лёд в глазах. Они знают, что их время почти истекло. Они боятся. Но ещё больше боятся те, кто выбрал безлимит. Их видно сразу: они ходят быстрее, говорят громче, смеются резче. Они знают: у них есть только 15 лет. Потом – Охота.

Я боюсь.

Боюсь назвать ноль: ведь тогда я стану беззащитен. Любой, у кого число больше, может прийти и убить меня – по закону.

Боюсь назвать много: ведь каждое отнятое жизнь – это груз, который ты несёшь до конца дней.

Боюсь выбрать безлимит: ведь тогда я сам подпишу себе смертный приговор. 15 лет – и всё. Потом – толпа, крики, кровь на снегу.

Но больше всего я боюсь не выбрать.

Потому что вопрос задаётся один раз. И ответа «не знаю» не существует.

Наш посёлок – как островок во льдах. Вокруг – только снег, деревья, тишина. Мы редко видим чужаков. Но когда они приходят, все замирают.

Кто он? Сколько у него в Лицензии?

Мы здороваемся, но в глазах – расчёт. Мы улыбаемся, но в голове – цифры.

В таверне, где собирается народ, всегда тихо. Разговоры – шёпотом. Никто не спорит, не кричит. Ведь любой спор может стать последним.

Праздники у нас – не радость. Это дни, когда отмечают совершеннолетие безлимитных. Люди собираются на площади, ждут. Смотрят на часы. Когда пробивает полночь, начинается Охота.

Я никогда не ходил на неё. Но слышал крики.

Этот мир – как лёд. Холодный, твёрдый, безжалостный.

Здесь нет добра и зла. Есть только числа.

И я знаю: однажды мне придётся назвать своё.

А пока – я жду. И греюсь у печи. И слушаю, как ветер воет за стеной, словно напоминая: время идёт.

Глава 2 Открытие Ледяного Предела: Кровь и Лёд

В те времена, когда страх перед Охотой уже сжимал сердца ледяными пальцами, а цифры Лицензии выжигали души, жил отважный исследователь – Валдир Холоднорукий. Прозвище своё он получил не случайно: даже в самые лютые морозы его руки оставались ловкими и цепкими, будто лёд лишь закалял их. Но в глазах его уже таилась тень – тень грядущей беды.

Валдир не искал богатств и славы. Его манила лишь одна цель – найти предел, место, где зима не властна, а страх не правит. Он часто повторял: «Если где-то есть место, где люди живут без чисел, значит, и наш мир может измениться». Но даже он не представлял, какой ценой достанется это знание.

Предвестники беды

Ранним утром, когда солнце едва пробивалось сквозь свинцовые тучи, Валдир собрал команду. Сто двадцать человек – каждый со своей историей, каждым уже выгравированным на запястье числом Лицензии. Среди них были:

бывалый охотник Грим с числом 12 – молчаливый, но надёжный, умевший выследить зверя по едва заметному следу на снегу;

юная травница Лира с числом 3 – она верила, что в Зелёном Сердце найдёт растения, способные исцелять обморожения;

старый штурман Борг с числом 0 – беззащитный перед любым, чьё число больше, но незаменимый в мореплавании.

Три корабля – «Ледяной Клин», «Вечный Ветер» и «Снежная Птица» – были снаряжены в путь. На палубах пахло смолой, сушёной рыбой и страхом – тем особым запахом, что возникает, когда люди покидают привычное.

С собой взяли самое необходимое:

сушёную рыбу и мороженую дичь – как в родных избах, где каждая крошка еды ценилась на вес льда;

меха и войлок – чтобы не замёрзнуть в ледяных просторах, где даже дыхание превращается в иней;

древние карты, где Ледяной Порог был обозначен лишь пунктиром, а дальше – пустота и надпись: «Здесь могут быть

драконы».

Утро отплытия выдалось особенно суровым. Небо нависло свинцовой тяжестью, а воздух резал лёгкие, словно осколки льда. Валдир стоял на палубе «Ледяного Клина», вглядываясь в горизонт. Его плащ, отороченный волчьим мехом, трепетал на ветру. В глазах не было сомнений – только решимость.

– Мы найдём то место, – тихо произнёс он, обращаясь к команде. – Место, где нет Лицензии. Где люди живут в гармонии с природой. Где дети смеются, не думая о том, какое число им выпадет.

Корабли медленно отчалили, оставляя за собой клубы морозного пара. На берегу стояли родные – матери, жёны, дети. Кто-то плакал, кто-то молча сжимал кулаки. Лишь старик Эйнар, дед Валдира, поднял руку в прощальном жесте и крикнул:

– Помни: даже лёд может растаять!

Но в его голосе звучала не надежда, а скорбь. Он знал то, чего не знал Валдир: никто из отправившихся к Ледяному Порогу ещё не вернулся живым.

Испытания пути: кровь на льду

Первые месяцы плавания превратились в череду мучительных испытаний. Ледяные глыбы вставали на пути, словно неприступные крепости. Корабли застревали во льдах, а люди теряли пальцы от обморожения.

Однажды ночью разыгралась буря. Ветер выл, как разъярённый зверь, а волны вздымались выше мачт. Валдир, стоя у штурвала, кричал сквозь шум стихии:

– Держитесь! Мы не сдадимся!

Команда боролась изо всех сил. Грим вязал узлы с ловкостью, которой позавидовал бы любой моряк. Лира раздавала тёплые отвары, пытаясь согреть дрожащих товарищей. Борг, несмотря на свой ноль в Лицензии, хладнокровно корректировал курс, шепча: «Ветер – наш друг, если уметь его слушать».

Но стихия была беспощадна.

«Вечный Ветер» напоролся на подводную льдину. Треск ломающегося дерева разорвал ночь. Корабль начал тонуть, утягивая за собой десятки жизней. Люди прыгали в ледяную воду, их крики тонули в рёве бури. Валдир видел, как Лира,

схватив спасательный круг, пыталась дотянуться до тонущего мальчика. Но волна накрыла их обоих.

– Нет! – закричал Валдир, но его голос утонул в шуме стихии.

К утру буря утихла, оставив после себя лишь измождённых людей и повреждённые корабли. Из 120 человек осталось меньше половины. На палубе «Ледяного Клина» лежали тела тех, кого удалось вытащить из воды. Их кожа была синей от холода, глаза – застывшими. Валдир обошёл палубы, глядя в усталые глаза своих спутников. На одной из палуб он заметил, как молодой матрос Эйвинд рисует на дощатом настиле символ Зелёного Сердца – круг с листом внутри.

– Это чтобы не забыть, зачем мы здесь, – смущённо пояснил Эйвинд.

Валдир кивнул, чувствуя, как в груди теплеет. Но в горле стоял ком – ком из соли слёз и ледяной воды.

– Мы живы, – сказал он. – А значит, идём дальше.

Рай, оплаченный кровью

На третий месяц плавания они увидели это.

Перед ними возвышался гигантский ледяной утёс, сверкающий, как алмаз. Но не он поразил их. За утёсом простиралась долина, где:

деревья были покрыты не снегом, а изумрудными листьями, шелестящими на тёплом ветру;

воздух пах не льдом, а цветами – сладким, пьянящим ароматом, от которого кружилась голова;

люди, встретившие их, не носили мехов – они были одеты в лёгкие ткани, окрашенные в цвета заката.

Валдир спустился на берег, едва чувствуя под ногами тёплую землю. Он провёл ладонью по траве – мягкой, живой. Поднял взгляд к небу – оно было ясным, без единого облачка. Где-то вдалеке слышался смех детей.

– Это не наш мир, – прошептал он.

Местные жители называли свою землю Зелёным Сердцем. Они никогда не слышали о Лицензии. Их жизнь строилась не на страхе, а на гармонии.

Они показали Валдиру:

источники с тёплой водой, бьющие из-под земли – вода была настолько чистой, что в ней можно было увидеть своё отражение;

сады, где росли плоды, неизвестные в ледяном мире – одни напоминали золотые шары, другие источали нежный свет;

храмы, где молились не числам, а природе – стены были увиты живыми цветами, а в центре каждого стоял огромный кристалл, переливающийся всеми цветами радуги.

Один из старейшин, седобородый мужчина с добрыми глазами и венком из белых цветов на голове, подошёл к Валдиру.

– Ты пришёл издалека, – сказал он, и его голос звучал, как шелест листьев. – Что привело тебя сюда?

Валдир долго молчал, подбирая слова. Он посмотрел на своих спутников: Грим с горечью сжимал кулаки, вспоминая погибших товарищей; Борг сидел у источника, опустив руки в тёплую воду, но в его глазах стояла тоска по тем, кто не доплыл.

– Я искал место, где люди могут жить без страха. Где нет

чисел, которые решают, кому жить, а кому умереть.

Старейшина улыбнулся.

– Здесь нет страха. Здесь есть только жизнь. И каждый день – это дар, а не срок.

Он протянул Валдиру плод, похожий на светящийся шар.

– Попробуй. Это плод вечности. Он не даёт бессмертия, но напоминает: каждый миг ценен.

Валдир откусил кусочек. Вкус был невероятным – как лето, как детство, как надежда. Но в горле встал комок: он вспомнил Лиру, её улыбку, её мечты об исцеляющих растениях.

– Почему мы? – прошептал он. – Почему мы нашли это место, потеряв столько жизней?

Старейшина положил руку на его плечо.

– Потому что цена надежды всегда высока. Но она того стоит.

Тень предательства

Обратный путь занял вдвое меньше времени. Ветер будто подгонял корабли, а льды расступались перед ними. Но Валдир знал: это не просто удача. Это было знамение.

Когда они вернулись, их встретили по-разному. Одни – с восторгом, другие – с подозрением. Валдир выступил перед собранием старейшин:

– Я видел место, где люди живут без Лицензии. Где дети растут, не зная страха. Мы можем научиться у них!

Но старейшина Рунар, чьё число было 50, ударил посохом о лёд.

– Это ложь! Зелёный Край – ловушка! Если мы поверим, наш мир рухнет!

В ту же ночь на Валдира напали. Трое мужчин с числами 20, 15 и 10 ворвались в его избу. Они хотели убить его, стереть память о Зелёном Сердце. Валдир сражался отчаянно. В тесной избе каждый шаг был на счету: за спиной – печь, слева – узкий стол, справа – полка с припасами. Трое нападавших окружили его, сверкая глазами в полумраке. Их числа – 20, 15 и 10 – давали им право убивать без последствий.

Первый бросился вперёд, замахнувшись ножом. Валдир увернулся, схватил глиняный кувшин со стола и разбил его о голову нападавшего. Тот рухнул, но двое других уже сжимали кулаки.

Второй ударил в лицо.

Валдир почувствовал, как хрустнул нос, а во рту появилась солоноватая кровь. Но он не упал. Схватил нападавшего за пояс, рванул вниз и ударил коленом в лицо. Раздался хруст, крик – и ещё один враг лежал на полу.

Третий, самый молодой, с числом 10, дрогнул. Его рука с ножом замерла в воздухе.

– Ты правда веришь Рунару? – прохрипел Валдир, вытирая кровь с губы. – Думаешь, он заботится о нас? Или о своей власти?

Юноша колебался. В его глазах читалась борьба: страх перед старшим по числу – и искра сомнения.

– Зелёный Край... – прошептал он. – Это правда?

– Правда, – кивнул Валдир. – И если ты убьёшь меня, ты никогда этого не увидишь.

Нож выпал из руки юноши. Он отступил, затем развернулся и выбежал из избы.

Валдир остался один среди поверженных врагов. Он тяжело опустился на лавку, чувствуя, как пульсирует боль в разбитом лице. Но в груди теплилось что-то ещё – не надежда, а уверенность.

Расплата:

На следующее утро Рунар собрал совет. Тела убитых в его доме были предъявлены как доказательство «предательства» Валдира.

– Он связался с чужаками! – кричал Рунар, потрясая посохом. – Он хочет разрушить наш уклад!

Но не все верили. Грим, вернувшийся из плавания с седой в волосах и шрамом на щеке, встал рядом с Валдиром.

– Я видел Зелёный Край, – сказал он глухо. – Там нет страха. Там люди живут. И если это измена – то я тоже изменник.

К ним присоединился Борг, дрожащий, но твёрдый. Затем ещё несколько человек – те, кто потерял близких в плавании,

но нашёл в себе силы верить.

Рунар понял, что теряет контроль. Его голос дрогнул:

– Вы все... вы все умрёте за это!

В тот же день началась Охота.

По улицам посёлка бежали люди, кричали дети, звенели ножи. Рунар и его сторонники, вооружённые числами, преследовали тех, кто встал на сторону Валдира. Кровь алела на снегу.

Валдир знал: это конец. Но он не собирался бежать.

Он поднялся на крышу самой высокой избы и закричал:

– Слушайте меня! Зелёный Край существует! И если я умру, это не значит, что он исчезнет! Кто-то другой найдёт его! Кто-то другой приведёт нас туда!

Стрела вонзилась в деревянную балку рядом с его головой. Ещё одна – в плечо. Валдир пошатнулся, но не упал.

– Помните символ! – прохрипел он. – Круг и лист. Это наше будущее!

Последняя стрела пробила сердце.

Семена надежды:

Валдира похоронили за околицей, без почестей. Но на его могиле кто-то оставил камень, на котором был выгравирован символ – круг с листом внутри.

Грим и Борг ушли в ночь. Никто не знал, куда. Но через месяц в соседних поселениях начали шептаться:

где-то на востоке видели людей с татуировкой листа;

в лесах находили записки с одним словом: «Зелёный Край»;

дети рисовали на стенах странные символы, а взрослые, глядя на них, задумывались.

А в заброшенной избе Валдира, под половицей, лежал плод вечности – тот самый, что он привёз из Зелёного Сердца. Он больше не светился, но если прислушаться, можно было уловить тихий шелест листьев.

И где-то за горизонтом, за ледяными утёсами, цвели сады,

а дети смеялись, не зная страха.

Глава 3 Зелёный Свет

Торкель проснулся от холода. Не от того привычного, что давно поселился в его костях и дыхании, а от нового – остро-го, пронзительного, словно кто-то распахнул дверь прямо в сердце вечной зимы и забыл её закрыть.

Печка почти угасла. Угли тлели слабо, красными точками в чёрной яме. Торкель поднялся, подбросил последний кусок сухого торфа, который приберёт на крайний случай. Пламя лениво лизнуло его, ожило. Тепло возвращалось медленно, нехотя, как старый пёс, которого слишком долго не звали.

Снаружи пурга всё ещё выла. Она не утихала – просто опустилась ниже, стала гуще, прижалась к самой земле. Теперь она не кричала в небо, а шипела в уши, в щели, в поры кожи.

Торкель подошёл к двери – узкой, обитой оленьей шкурой, – и прислушался. Среди воя ветра слышалось что-то ещё. Не треск льда. Не стон пурги. Что-то живое.

Он взял короткое копьё – то, что всегда лежало у входа для ближнего боя. Отодвинул шкуру. Холод ударил в лицо, как пощёчина. Снег хлестал мелкой крупой. Торкель прищу-

рился.

В нескольких шагах от землянки стояла фигура. Человек. Или то, что от него осталось.

Он был закутан в рваные меха, лицо скрывала маска из кости и кожи – такие носили те, кто осмеливался идти через Гребень с севера, где даже волки не выживали. В руках у него ничего, кроме посоха, обмотанного тряпьем. Он стоял неподвижно, будто уже давно замёрз и теперь просто ждал, когда снег окончательно его занесёт.

Торкель не крикнул. Не спросил «кто ты?». В деревне Охотников чужаков не спрашивают. Их либо впускают, либо убивают. Всё зависит от того, что они принесли: мясо, вести или смерть.

Фигура сделала шаг вперёд. Ноги проваливались в снег по колено. Торкель увидел, как дрожит чужак – не от мороза, а от чего-то внутри. Когда тот приблизился, стало видно: на маске вырезан знак. Круг. А внутри – лист. Не оленьи рога, не медвежий след, а именно лист. Словно кто-то вспомнил, что такое лето, и решил оставить метку.

– Ты из Охотников? – голос чужака был хриплым, словно горло забито льдом.

– Да, – коротко ответил Торкель. – А ты?

– Я был из тех, кто пошёл за Гребень. Давно. Очень давно.

Торкель молчал. Ждал.

– Я вернулся, – сказал чужак. – Один.

Он медленно поднял руку – чтобы Торкель не дёрнулся от внезапного движения. В ладони блеснуло что-то. Не нож. Не гарпун. Маленький, почти прозрачный кристалл. Внутри него теплился слабый зелёный свет – будто крошечный кусочек другого мира поймали и заперли в камне.

– Это оттуда, – прошептал чужак. – Из долины, где нет льда. Где земля дышит. Где можно лечь спать и не бояться, что проснёшься замёрзшим.

Торкель смотрел на кристалл. Свет в нём пульсировал – медленно, как сердце на последнем издыхании.

– Зачем принёс? – спросил он.

– Чтобы показать. Чтобы кто-то поверил. Чтобы не зря...

Чужак закашлялся. На маске проступила кровь – тёмная, почти чёрная.

– Я умираю, – сказал он просто. – Но если я умру здесь, с этим... они скажут, что я бредил. Что ничего нет. А ты... ты охотник. Ты знаешь, как отличить правду от следов на снегу.

Он протянул кристалл. Торкель не взял сразу. Посмотрел чужаку в глаза – через прорези в маске. Там не было безумия. Только усталость. Такая глубокая, что она уже не причиняла боли.

Торкель принял кристалл. Он был холодным снаружи, но внутри – тёплым. Словно в ладони лежало живое сердце маленького зверя.

– Что теперь? – спросил Торкель.

– Теперь решай ты, – ответил чужак. – Или спрячь и забудь. Или покажи тем, кто ещё может идти. Или сожги. Но знай: если сожжёшь – этот свет уже не вернётся.

Он осел в снег. Медленно, будто растворялся. Торкель не стал помогать ему встать. Знал, что уже поздно.

Пурга забрала его голос. Через минуту он стал тенью в

белом. Ещё через минуту – просто бугорком под снегом.

Торкель стоял ещё долго. Кристалл в его руке теплее становился. Свет в нём разгорался – не слепящим, а мягким, как первый луч после долгой ночи.

Он вернулся в землянку. Закрыв дверь. Сел у печки. Положил кристалл на ладонь и стал смотреть, как он дышит.

Завтра Торкель пойдёт к старейшинам. Покажет им это. Скажет: «Я видел следы.

Они ведут за Гребень. И там – не смерть».

Они могут засмеяться. Могут назвать его сумасшедшим. Могут даже попытаться убить – чтобы не сеять смуту.

Но Торкель – охотник.

Он умеет читать следы.

И этот след – самый настоящий из всех, что он видел за всю жизнь.

Печка трещала. Кристалл светился. Снаружи выл ветер.

Но теперь в этом вое Торкель слышал не только скорбь.

Он слышал зов. Тихий. Зелёный. Далёкий.

И он знал: он пойдёт.

Глава 4 Заброшенный Грузовик

Эйнар стоял у ржавого грузовика, утонувшего в болоте по самые двери.

Старый «Урал-2030», когда-то военный, теперь был просто мёртвым куском железа – безжизненным, неподвижным, покрытым слоями чёрного мха, инея и вековой гнили. Он не заводился уже больше пятисот лет, и Эйнар даже не пытался вставить ключ в замок.

Зачем? Машина не на ходу. Никогда уже не будет.

Он просто смотрел на неё. Дыхание вырывалось белыми клубами и медленно таяло в морозном воздухе. Вокруг – тишина болота, только редкий треск льда под ногами да далёкий крик вороны, который эхом отражался от мёртвых со-сен.

Эйнар провёл рукой по облупленной краске кабины. Пальцы оставили след в ржавчине – такой же, какой оставляли сотни поколений до него.

Он знал истории, которые передавались шёпотом у печек из поколения в поколение: больше пятисот лет назад мир

кончился не от мороза, а от огня, который люди сами выпустили на волю.

Огненные столбы поднимались выше облаков, небо стало чёрным днём, земля дрожала неделями. Потом пришёл пепел – серый, бесконечный, он падал годами. Реки кипели, леса горели, а те, кто выжил в первые месяцы, умирали от невидимой болезни, которая жрала кости и лёгкие.

Старики говорили: «Солнце скрылось, и зима пришла навсегда».

Этот грузовик – один из последних осколков того погибшего мира. Когда-то он мчался по асфальту, вёз солдат, припасы, людей, которые ещё верили, что завтра будет лучше. Теперь он стоит здесь, в трясине, как надгробие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.